

Данная тенденция к **идиоматизации** также тяготеет по своей прагматике к экономии выражения смысла, поскольку актуализирует (или коннотирует) многослойный ассоциативный ореол – комплекс потенциальных сем.

Литература

- Акимова, Г.Н. Новое в синтаксисе современного русского языка. – М., 1990.
Алефиренко, Н.Ф. Теория языка. Вводный курс. – М., 2004.
Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб., 2000.
Валгина, Н.С. Активные процессы в современном русском языке: Учебное пособие для студентов вузов. – М., 2003.
Журавлев, В.К. Внешние и внутренние факторы языковой эволюции / В.К. Журавлев. – Изд. 2. – М., 2004.
Зиндер, Л. Р. Общая фонетика: Учеб. пособие. – 2-е изд., перераб. и доп. – М., 1979.
Лингвистический энциклопедический словарь. / Гл. ред. В. Н. Ярцева. – М., 1990.
Новейший философский словарь. / Сост. А.А. Грицанов. – Мн., 1998.
Панов М.В. История русского литературного произношения. М., 1990.
Покровская, Е.А. Русский синтаксис в XX веке: Лингвокультурологический анализ. – Ростов н/Д., 2001.
Русский язык конца XX столетия (1985-1995) / Отв. ред. Е.А. Земская. М., 1996.

Summary. The article deals with the external and internal factors affecting the dynamics of the Russian language of the XXI century. Migration, media, technological and social progress, international contacts which affect the language are under consideration. The internal factors include systemacity, tradition, analogy, economy, accuracy, analytism, logization, democratization, idiomatization, merge.

Key words: linguistic dynamics, linguistic change, evolution of language, factors of linguistic dynamics, analytism, logization, democratization, idiomatization.

ЯЗЫКОВЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ В ГРУППЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ С КОМПОНЕНТОМ НАРОД

Г. М. Шипицына, Ю.О. Чавыкина

Россия, г. Белгород, Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
Shipitsina@bsu.edu.ru

Поскольку язык в целом является динамической саморазвивающейся системой, все его подсистемы подвержены изменениям в исторической перспективе, что во многом обусловлено как социально-культурными преобразованиями в обществе носителей языка, так и развитием общественного сознания народа. Формой и следствием языковых изменений оказываются преобразования в структуре, семантике и прагматике языковых средств разного типа (прагматику мы

понимаем как комплекс-результат взаимодействия эмоциональных, экспрессивных и оценочных значимостей).

Для одного поколения людей оказываются наиболее очевидными изменения в языковых средствах, обеспечивающих прежде всего номинацию и оценку предметов и явлений действительности. Таковыми являются лексические единицы, а также, безусловно, и устойчивые сочетания слов разного типа – фразеологизмы и мини-тексты народной афористики.

Интерес лингвистов к проблеме языковых изменений не ослабевает и фокусируется, в частности, на таких проблемах: определение места и роли этих процессов в истории языка, определение того или иного лексико-семантического варианта или фразеологической единицы как уходящих из активного запаса языка, выявление социокультурной детерминированности изменения в статусе значения или прагматики анализируемой единицы. И это неслучайно. Исследование различных изменений в семантике и прагматике слов и их устойчивых сочетаний было, и остается наиболее актуальной задачей лингвистики. Это вызвано необходимостью изучения подвижного характера лексико-фразеологического запаса русского языка, обусловленного историко-культурными факторами, а именно, постепенным «стиранием» из генетической памяти народа многих слов и устойчивых сочетаний, отражающих реалии отечественной истории и культуры. Это может привести к образованию культурных лакун нации. Для интеллектуального развития личности такое явление крайне нежелательно, поскольку оно приводит к постепенному угасанию интереса к национальной истории и культуре недавнего прошлого, к появлению трудностей при восприятии художественных текстов предшествующих периодов жизни нашего общества. В результате этих процессов может произойти резкий разрыв ментальности поколений, разрушится тенденция их культурной преемственности.

Было бы хорошо, если бы каждому новому поколению лингвистов удавалось зафиксировать семантику и прагматику архаизирующихся на их глазах языковых средств, в том числе и современному поколению лингвистов, ставших свидетелями серьезной перестройки лексико-фразеологической системы языка под воздействием социально-экономических, духовных и политических преобразований в обществе. Поколение людей второй половины XX века – начала XXI века еще помнит семантический объем уходящих из активного словарного запаса слов и устойчивых конструкций. Сейчас еще понятно концептуальное, культурное и ментальное наполнение смыслов уходящих из активного употребления языковых средств. Но если мы, современники этих процессов, не опишем их, наши потомки (лексикологи и фразеологи будущего) разберутся ли в нюансах смыслов утраченных языковых единиц? Ведь семантика слов и устойчивых сочетаний проистекает из социокультурной среды исторических мгновений, а они

ускользают, уходят и не вернутся в том же самом виде. По прошествии же некоторого времени появляется опасность перенесения понимания семантики единицы новой эпохи на старую, поскольку она может восприниматься в изоляции от своей прошлой культурной и семантической среды и оказаться под влиянием уже иной лексико-семантической парадигмы для слова и фразеологизма, оборота речи или нового ореола их смыслов и прагматики. К сожалению, такая тенденция в описании семантики языковых единиц прошлых периодов развития языка скорее закономерна, чем случайна, о чем предупреждали выдающиеся лингвисты прошлого. В частности, академик В.В. Виноградов в своей гениальной статье «Слово и значение как предмет историко-лексикологического исследования» писал об этом так: «история чаще всего осмысливает действительность прошлого под влиянием господствующих идей современности» (Виноградов 1995: 27). Надеяться на успехи будущих этимологов тоже не приходится. Как писал академик В. В. Виноградов, «...этимология меньше всего способна раскрыть все разнообразие смысловых изменений, переживаемых словом в разной социальной среде и в разные эпохи» (Виноградов 1995: 11). Действительно, когда слово «продергивается через разные языковые слои», которые оставляют на его значении свои следы, и изучается в изоляции от своей исходной семантической и прагматической среды, возникает реальная опасность перенесения смыслов и прагматики этого слова с одной эпохи на другую в полном искажении его бывшей в прошлом семантики (Виноградов 1995).

Опираясь на предупреждение академика об опасности модернизации прошлого, мы полагаем, что изучение самых разных сторон лексических и фразеологических изменений сопряжено с внимательным отношением к синхронным срезам лексико-фразеологической подсистемы языка на каждом этапе состояния их семантики и прагматики в составе бывших семантических парадигм, соответствующих своей эпохе. Как отмечает В.М. Мокиенко, фразеологизм, с одной стороны, – единица ретроспективная, кумулятивная, поглотившая культурологическую и языковую информацию прошлого, поэтому многие поиски его когнитивного ядра диахроничны. «С другой же стороны, фразеологизм – единица синхронная, обладающая компликативной семантикой, относительно независимой и от значения ее компонентов, и от понятий того прошлого, которые ее породили» (Мокиенко 2006: 18).

В настоящее время в развитии фразеологического корпуса русского языка активизировалось две тенденции. С одной стороны – это **образование новых устойчивых сочетаний слов** с признаками фразеологизма путем фразеологизации свободных словосочетаний и отдельных предложных словоформ (например, *рассеянная практика* ('практика у студентов, прикрепленных по одному человеку к разным школам'), *якорное учреждение* ('базовое учреждение, координирую-

щее действие остальных'), в формате). Фразеологизация свободных словосочетаний сейчас происходит довольно быстро, во всяком случае без многовековой эволюции, поскольку современный русский язык мобилизовал свои ресурсы для оперативного решения возникающих проблем обновленной номинации и предикации. По мнению Н.Ф. Алефиренко, неологизация фразеологического корпуса языка – это результат лингвокреативной деятельности синергетически перестраивающегося языкового сознания, «его лингвопрагматическая адаптация к новым ценностно-смысловым приоритетам, своеобразная ономаσιологическая реакция языка на стремительные изменения социокультурного пространства» (Алефиренко 2008: 208). В коммуникативной практике между отправителями и получателями подобных выражений единообразное понимание их смысла достигается за счет общности культурного и речевого опыта носителей языка, у них есть похожие представления о том, что бывает и чего не может быть (например, не может быть в действительности *жареных фактов*). Неявная когниция, отраженная в семантике оборота, расшифровывается уже на интуитивном уровне, поскольку очевидная невозможность сообщенной информации в ее прямом, буквальном смысле заставляет получателей сообщения искать в ней другие, скрытые смыслы. Контекст обычно раскрывает денотативную ситуацию, подсказывая получателю сообщения подлинную семантику фразы в местах закодированного смысла, то есть то, что в действительности хотел сообщить отправитель информации.

В противоположность тенденции к неологизации в сфере фразеологии обращает на себя внимание и противоположная ей **тенденция к деактуализации** функционировавших в недавнем прошлом фразеологизмов. Деактуализация представляет собой явление, отличное от процесса пассивизации лексики и фразеологии активного словарного состава русского языка. Её сущность выражается в постепенной утрате языковой единицей (или одним из её лексико-семантических вариантов) своей актуальности в данный исторический период с сопутствующими семантическими, стилистическими и оценочными изменениями, что обусловлено рядом внеязыковых факторов и, как правило, поддержано системными отношениями в соответствующих ячейках этой системы.

Для иллюстрации вышесказанного обратимся к динамике фразеологического гнезда с общим компонентом *народ*. Данная микросистема имеет многовековой период своего развития, что обусловлено местом слова *народ* в лексико-фразеологической системе русского языка и его ролью в концептосфере русской нации. По происхождению это исконно русское слово праславянского периода (*народъ* ← *народити* ← *родити* ← *родъ*) (Шапошников). Им номинирован базовый концепт национального сознания, являющийся выразителем его генетической и ментальной основы, что и отразилось в функциониру-

ющих до сих пор в современном русском языке наиболее древних фразеологизмах, например, *глас народа* (*Гласъ народа – гласъ Божій* (Даль); *при народе, на народе* (в значении ‘публично’; *во весь народ* (в значении ‘во всеуслышанье’), а также *идти в народ* (в период политического движения народников) и в афористических выражениях, например, *Народъ – тѣло, Царь – голова* (Даль). В дореволюционное время рядом синонимичных фразеологизмов обозначалась эксплуатируемая часть населения, простолюдины, люди низкого звания, не относящаяся к знати – *простой народ, черный народ, подлый народ* (*подлый* – в значении ‘незнатный’). Например, *Горький, как никто, знал жизнь простого народа – грузчиков, ремесленников, крестьян, батраков, железнодорожников, рабочих, безработных, бродивших по широким дорогам России в поисках заработка* (Н.С. Тихонов. Горький и советская литература). Или: *Государь, надлежит нам вспомнить о мужиках. Подлый народ также должен благословлять священное имя вашего величества* (В.Я. Шишков. Емельян Пугачев). Или: *(Пугачев) был встречен не только черным народом, но духовенством и купечеством* (А.С. Пушкин. История Пугачева).

Из этого синонимического ряда в советский период активно используется только словосочетание *простой народ*, но уже в обновленном значении. *Простой народ* – это уже народ, ‘принадлежащий к трудовой части общества, трудящийся’ (МАС-2). При этом его негативная прагматическая окраска утрачивается и коннотация меняется на противоположную: фразеологизм *простой народ* обозначает наиболее авторитетную часть населения, о которой говорят с уважением как о гегемоне всего общества, это класс рабочих и крестьян, передовой отряд правящей партии большевиков. Это устойчивое сочетание слов становится весьма частотным, его употребляют во всех случаях, когда говорят о населении СССР как цельной монолитной массе единомышленников, думающей и чувствующей одинаково. Например, *Друга нет и быть не может, но зато простой народ любит своего Вождя, готов жизнь и душу отдать* (А.И. Солженицын. В круге первом. Т.1). В советский же период появилось устойчивое сочетание *советский народ* и в варианте *простой советский народ* для обозначения населения великой державы. У этого словосочетания коннотативные значимости как правило положительные, даже с оттенком патетики, выражения некой гордости за создание новой общности электората – *единный советский народ*, для которого этнические, национальные признаки уже особого значения не имеют. *Советский народ* – это могучая сила, она всегда права, ее представляют как мерило правильности. Словосочетание приобретает силу номинанта ведущего концепта времени, к нему апеллируют для выражения оценки происходящего на предмет соответствия генеральной линии политического строя и духа времени. Например, *Вот Неудобовов и говорит, напрасно товарищ Новиков, которому советский народ и товарищ Сталин оказали высокое доверие, связывает свою жизнь с человеком неясной социально-политической сре-*

ды (Василий Гроссман. Жизнь и судьба). Или: Тем большей неожиданностью стал жестокий разнос, учиненный ему в кабинете заместителя главного редактора, – ему, признанному специалисту по теории машин и механизмов. «**Советский народ** никогда не простит...», «Партия не позволит ...», «Это преступное легкомыслие ...», «Посягательство на самое святое ...», и еще какая-то белиберда, никакого научного значения не имеющая (Анатолий Азольский. Лопушок. «Новый мир», 1998. (Пример цитируется по Национальному корпусу русского языка)).

В постсоветский период устойчивое сочетание *простой народ* продолжает употребляться, но в иной ипостаси. Прежнюю, бывшую в советский период, то есть уже вторичную, стилистическую окраску утрачивает. В наше время фразеологизмом *простой народ* обозначается основной состав населения, то есть, во-первых, не относящийся ни к каким властным структурам, а, во-вторых, не относящийся к новому сословию олигархов, например, *Кудрину в очередной раз пришлось разъяснять, что рост государственных расходов должен ограничиваться, в частности, скоростью обращения в ней денег. «Простому народу это не объяснить!»* – вступил в спор и.о. первого вице-премьера Сергей Иванов, считающийся одним из кандидатов в преемники президента (РБК Daily, 2007. 09. 24). В-третьих, *простой народ* – это народные массы, обычные наши граждане, не имеющие специальных льгот, особых привилегий в чем-либо перед остальными людьми, например, *Из-за обилия машин с мигалками простому народу не проехать* (Комсомольская правда, 2006. 11. 02).

В советский период появляются и другие новые фразеологизмы со словом *народ*: *трудовой народ*, *во благо народа*, (*человек, некто*) *из народа*, *слуга народа* (последний – ‘иронично: о депутатах верховной и местной власти’ (ТСРЯ ХХ), в том числе такие, которые стали настоящими символами своей эпохи: *опиум для народа* (о религии), *отец народов* (о Сталине), наконец, самое пронзительное словосочетание *враг народа* (‘о преследуемых законом в период репрессий по обвинению (обычно вымышленному) в антисоветской деятельности’ (ТСЯИ). *Враги народа* – это так называемые шпионы разных иностранных разведок (часто «разных» одновременно), вредители, расхитители социалистической собственности, оппозиционеры, контрреволюционеры, кулаки, либерально мыслящие люди, диссиденты и т. д. Если в советское время фразеологизм *враг народа* имел стилистическую маркировку *презрительное* (ТСЯИ) (фразеологизм и был создан для выражения яростно непримиримого отношения к тем, кто попал в разряд так называемых врагов народа), то в современном русском языке он воспринимается только как ключевое выражение ужасной эпохи советских репрессий. Фразеологизм ушел в прошлое, пассивизировался; толковые словари XXI века его уже не фиксируют в качестве современного языкового средства (как правило, толковые и фра-

зеологические словари современного русского языка последнего десятилетия его вообще не фиксируют).

Наблюдение за динамикой группы фразеологизмов с общим компонентом *народ* показывает, что во фразеологической подсистеме языка происходят живые процессы как неологизации, так и пассивизации отдельных устойчивых сочетаний. Их набор получает различную степень актуализации в тот или иной период времени, сопровождаемую изменением прагматического содержания фразеологизма и его коннотативного наполнения. Исторически сложившаяся роль регулятора этих процессов принадлежит различным экстралингвистическим факторам. Одним из важнейших таких факторов оказываются экстралингвистические причины развития языка, в частности, для перегруппировки набора устойчивых сочетаний с компонентом *народ* важнейшей движущей силой оказывается смена социально-политического устройства в обществе носителей языка, повлекшая за собой изменения в общественном сознании носителей языка, переоценку ценностей и ориентиров общества. В конечном счете непрерывное историческое развитие семантики и прагматики фразеологизма, как и отдельного слова, связано с прерывностью его активного употребления, с чередованием его пребывания в активном и пассивном словаре национального языка.

Литература

Алефиренко, Н. Ф. Фразеология в свете современных лингвистических парадигм: Монография. – М.: Элпис, 2008. 271 с.

Виноградов, В. В. Слово и значение как предмет историко-лексикологического исследования // Вопросы языкознания. – 1995. № 1. С. 5–37.

Мокиенко, В.М. Когнитивное и адогнитивное во фразеологии // Фразеология и когнитивистика: Материалы 1-й Междунар. научн. конф. В 2-х томах. Т.1. Белгород: Изд-во БелГУ, 2008. С. 13–26.

Словари и их условные обозначения

Даль – Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка / Под ред. И. А. Бодуэна де Куртенэ (1903-1911); т. 1-4. М.: А/О Издат. группа «Прогресс», «Универс», 1994.

МАС-2 – Словарь русского языка / Под ред. А.П. Евгеньевой. В 4-х т.; АН СССР, Институт русского языка. 2-е изд., исправл. и доп. М. 1984.

ТСЯИ – Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения / Под ред Г.Н. Складервской. РАН, Институт лингвистических исследований. СПб. 1998.

Шапошников – Этимологический словарь русского языка / Сост. А.К. Шапошников. В 2-х томах. – М.: Флинта: Наука, 2010.

Summary. The article deals with the dynamics of historical changes in the pre-Soviet, Soviet and post-Soviet periods in a group of stable combinations with a common component “people”. It is argued that the language changes in this phraseology group were caused by socio-historical transformations of society, which provoked changes in the minds of speakers.

Key words: stable combination, active vocabulary, language change, archaism, passivation, deactualization, semantics, pragmatics, connotation.